

5. Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к коммунистическому земледелию от 14 февраля 1919г. (принято ВЦИК).

6. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917 - 1954. М., 1954.

7. Сб. материалов по вопросу о казаче -крестьянской взаимопомощи. Краснодар, 1921

8. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. Письма № 225, 261

9. Отчет НКЗ XI -му съезду Советов за 1923 год. М., 1924. 92с.

УДК 37.013 (47) ‘17’’

ББК4403(2)5-4

ГСНТИ 03.21.31

Код ВАК 12.00.01

Е.С. Соколова

Екатеринбург

**О РОЛИ НАДКЛАССОВОЙ ТЕОРИИ Л. ШТЕЙНА
В СТАНОВЛЕНИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ
СОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: надклассовое государство, политический режим, Веймарская республика, государственное единство, кросс-культурное взаимодействие, советский конституционализм

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется проблема воздействия теоретико-юридической конструкции надклассового государства на советское конституционное строительство. Выявлены концептуальные особенности политико-правовых взглядов Л. фон Штейна на роль государства в организации общественного устройства, прослеживается уровень их трансформации в Веймарской конституции 1919 г. и последующая переработка в советском конституционном праве.

E.S. Sokolova

Yekaterinburg

**ON THE ROLE OF THE SUPRA-CLASSES THEORY
OF L.VON STEIN IN THE FORMATION
OF CROSS-CULTURAL ASPECTS OF SOVIET
CONSTITUTIONALISM**

KEY WORDS: supra-class state, political regime, the Weimar Republic, the state unity, cross-cultural interaction, the Soviet constitutionalism.

ABSTRACT. The article examines the impact of theoretical and legal structure of the state above classes on Soviet constitutional construction. The identified conceptual features of political and legal views of L. von Stein, the role of the state in the organization of social order, there is a level of transformation in the Weimar Constitution of 1919 and the subsequent processing in the Soviet constitutional law.

Революционный излом начала XX в. представляет собой глобальное политико-правовое и социокультурное явление, цивилизационные последствия которого, в силу их многомерности, еще не до конца изучены. В обширной историографии Великой Российской революции приоритетное значение закреплено за социально-политической проблематикой, государствоведческими исследованиями и международно-правовыми аспектами, к числу которых относятся, в частности, вопрос об экспорте революционной идеологии за пределы новой Советской России.

С теоретико-юридической точки зрения прямое или косвенное обеспечение идеологического сопровождения государственной политики есть один из основополагающих элементов механизма реализации верховной власти. Как правило, если государство обладает внешним суверенитетом и активно утверждает себя на международной арене, то его идеологическая надстройка конструируется под воздействием кросс-культурных коммуникаций и во многом определяется политической конъюнктурой, социальной динамикой исторического момента, особенностями политической системы, моделью общественного устройства, типологией стратификационных процессов и иными основополагающими факторами государственно-правового развития. В этом отношении не стала исключением и молодая республика Советов, политическая модель которой, основанная

на диктатуре пролетариата, лишь в перспективе была нацелена на построение бесклассового общества. Практика советского конституционализма, напротив, испытала институциональное воздействие германского либерализма Нового времени, развивавшегося на рубеже XIX –XX вв. под влиянием государственно-правовых взглядов Л. фон Штейна, искавшего путь к примирению социальных противоречий в усилении воздействия государства на общество.

Роль штейнианства в моделировании авторитарных политических режимов мало привлекает внимание исследователей, в фокусе внимания которых традиционно находится возможные модификации «социального государства», истоки которого принято искать в предложенной Штейном конструкции надклассовой по своей социально-политической природе организации верховной государственной власти (1. С.75 – 79). Между тем, его теоретико-юридическое наследие отличается высокой степенью «открытости» государствоведческого дискурса для взаимоисключающих государственно-правовых систем и нормотворческих практик.

В новейшей литературе, посвященной выявлению теоретических истоков современной трактовки социального государства, государствоведческие взгляды Штейна обычно рассматриваются в контексте более поздней государственно-правовой модели «всеобщего благоденствия» с ее централизованной системой регулирования экономики и дифференцированной налоговой политикой. К теории надклассового государства восходит, по мнению ряда авторов, и целенаправленная функция обеспечения каждому гражданину социальных гарантий в форме равных стартовых условий для самореализации индивида. С историко-правовой точки зрения уровень верификации этих выводов представляется бесспорным лишь отчасти в силу наличия серьезных анахронизмов. Прежде всего, теория Штейна создавалась в расчете на иную стратификацию европейского общества второй половины XIX в., что предопределило наличие в его взглядах ряда исторически обусловленных правовых нюансов.

В частности, определяющим фактором складывания социальной структуры указанного времени стало развитие промышленного капитала и формирование антагонистических (в марксистской терминологии) общественных классов, противоположность между которыми Штейн предлагал снять за счет отказа от всех правовых ограничений для низших слоев общества. Что же касается обеспечения достойных условий бытия для каждого гражданина, при помощи различных со-

циально-экономических способов, включая социально справедливое перераспределение доходов и финансирование социальных программ, то эти вопросы оказались вне поля зрения Штейна. Его исследовательский интерес находился в плоскости выявления социальных противоречий, возникших в ходе перерождения сословной структуры феодального общества в более мобильные промышленные классы. Основа их экономического развития вне сферы законодательного регулирования заключалась, по словам Штейна в «неравенстве» при распределении благ. При этом он справедливо отмечал наличие возможности для каждого лица посредством труда улучшать свое состояние и переходить из низшего класса в высший». В то же время Штейн подчеркивал ее нежизнеспособность на фоне деформации нравственного сознания в условиях господства отношений собственности и наличия неурегулированных межклассовых противоречий (5. С. 356 – 444 и далее).

Таким образом, процесс самоопределения личности, о котором в перспективе действительно ставится вопрос в теории Штейна, был поставлен в зависимость от формы организации власти в надклассовом государстве и общего направления его правовой политики. Предложенные им «рецепты» были рассчитаны на государственно-юридические реалии германского мира второй половины XIX в., подготовленные развитием традиции «просвещенного абсолютизма» немецкими просветителями предшествующего периода. В целом, рекомендации Штейна соответствовали учению Гегеля о конституционной монархии, где личная воля князя является основным гарантом публичного значения всех актов законотворчества и правительственной деятельности независимо от наличия или отсутствия народного представительства. Предложенная им трактовка политико-правового потенциала монархической власти ориентирована на объединяющее начало монархии, при помощи которого в европейской истории была преодолена социальная рознь между феодальными сословиями путем общего их подчинения государству. Преимущество монархии, позволяющее добиться ее социализации в политико-юридическом смысле, Штейн видел в независимости единоличной верховной власти от классов и других общественных сил, способных блокировать реализацию общесоциальных интересов во имя достижения социальной гармонии. По той же причине он не доверял парламентской форме правления, считая ее орудием господства высших классов, получающих легальные рычаги давления на монарха.

Возможность преодоления господства узкоклассовых и частных мотиваций на государственном уровне Штейн ставил в зависимость от состояния законности и способности верховной власти выступить в качестве ее гаранта, санкционируя при этом законы, обеспечивающие каждому субъекту свободу самореализации в рамках существующей социальной структуры и «промышленного порядка». Охранительное начало республиканского государства, основанного на народном суверенитете, Штейн изначально ставил под сомнение, подчеркивая зависимость любой республики от тех или иных слоев общества, что, в конечном итоге, влечет за собой усиление межклассовых противоречий. Таким образом, с исторической точки зрения за государствоведческой теорией Штейна, безусловно, следует сохранить приоритет в разработке этимологии понятия «социальное государство», но современный вариант его содержательной трактовки применительно к конституционным режимам Новейшего времени далек от своего первоисточника.

Штейн был далек от постулирования нормативно-правового закрепления социальных обязательств верховной власти «в виде системы прав человека и гражданина». Его модель надклассового государства в значительной степени базируется на идеале патернализма, который прочно вошел в германскую правовую культуру XIX в. под воздействием просветительской модели *Polizeistaat*. Не соответствует исторической основе штейнианства и современная исследовательская тенденция трактовки надклассового (социального) государства в качестве альтернативы правовому идеалу государственной организации. По мнению ряда авторов, правовое государство в его классической, либеральной трактовке начинало утрачивать свою популярность под натиском социалистических учений, требовавших не только радикального устранения накопившихся в гражданском обществе социально-экономических противоречий, но и устранения существовавшей в то время формы буржуазной государственности. Следует отметить, что отстаивая право и обязанность государства корректировать распределение общественных благ между гражданами неэкономического социального статуса, Штейн не противопоставлял надклассовое государство государству правовому. Из прагматических соображений, он, скорее, допускал смешение данных понятий ради установления юридического баланса между противоположными интересами высших и низших классов. Решающая роль в его государствоведческой теории отведена разумной правовой политике, способст-

вующей самоопределению всех социальных категорий граждан, от экономического и нравственного состояния которых зависит и уровень развития самого государства. Признавая, в целом, отдельно взятую саморазвивающуюся личность в качестве основы любого типа общества, Штейн все же не рассматривал ее изолированно от социума, когда речь шла о государственном порядке, придавая первостепенное значение принципам социальной стратификации в определении приоритетных направлений нормотворчества.

Вопрос об исторической уязвимости надклассовой теории уже поднимался в научном государствоведении. Еще Б. Н. Чичерин отмечал, что учение Штейна об обществе представляет собой «чисто логическое построение», а введенный в него эмпирический материал носит «частный» и «отрывочный» характер. Не существует в теории Штейна и убедительных критериев разграничения общества и государства, вероятно, потому, что на практике он предполагал не просто их взаимную интеграцию, а создание правовых условий для доминирования верховной государственной власти. Все это не позволяет поставить Штейна в один ряд с теми европейскими предшественниками современной теории социального государства, которые рассматривали отношения между индивидом и верховной властью через призму естественного права, предлагая его в качестве основы юридической политики. Представляется, однако, что именно это обстоятельство способствовало возникновению пристального историко-юридического интереса к надклассовой теории государства в досоветской России, где существовала мощная традиция политического патернализма при весьма скептическом отношении правительственно-юридической элиты к естественно-правовому идеалу, а с первой четверти XVIII в. началась последовательная апробация прусской модели «полицейского государства».

Влияние теории Штейна на поиск оптимальной меры воздействия государства на общество с целью обеспечения должного уровня политической стабильности в условиях частичной нивелировки классовых различий имело место и в германском конституционализме начала XX столетия. В этом отношении весьма показательны отдельные положения Веймарской конституции 1919 г. о правах и свободах личности, реализация которых предполагалась в условиях функционирования сильной президентской власти и высокого уровня патернализма в духовной сфере, системе образования и воспитания германских граждан. Основной стержень политико-правовой модели

взаимодействия государства и общества заключался здесь в нивелировке личности по национальному признаку, юридическая сущность которого заключалась в синонимичности понятий «гражданин» и «немец». Подобная трактовка гражданства была органичной для Германии начала XX в., где сохранялась политико-правовая традиция объединения национальной идеи с идеологией государственного единства, образцом которого служило федеративное устройство Священной Римской империи, но при жестком доминировании центральной власти в соответствии с конституционным образцом общегерманской монархии 1871 г. (3. Ч.2. От. I - II. Ст. 109 – 134, от. IV. Ст. 144 – 149. С. 214 – 217).

Аналогичная модель государственного патернализма, сконструированная на основе насильственной стратификации общества «сверху» присутствует и в первой советской конституции 1918 г. с ее ярко выраженными правовыми приоритетами для «трудящихся» слоев населения без гендерных различий. Тот же контент является основополагающим и для конституционного устройства СССР 1936 г., где, однако, берется в расчет многонациональный состав федеративного Советского государства. Запрет любых проявлений национальной и расовой дискриминации закрепляется здесь в качестве основного инструмента обеспечения государственного единства и одновременно становится общим идеологическим постулатом интернациональной политики СССР (2. Разд. II. Гл. V. Ст. 13 – 23; 4. Гл. X. Ст. 118 - 133).

Подводя итоги представленного сюжета, следует отметить, что последовательное внедрение в массовое правосознание идеи о решающей роли государства в достижении народного благосостояния путем консолидации общества по классовому признаку происходило на протяжении всего советского периода. Основные направления политики государственного патернализма находили последовательное отражение в руководящих партийных документах, конституционной практике, публицистике, книгоиздательстве и иных средствах массовых коммуникаций. Вопреки общепринятому мнению о «почвенном» характере советской идеологии, опосредованной спецификой социальной структуры, экономики, правосознания и международной обстановки, некоторые ее положения все же носят кросс-культурный характер, а практиковавшиеся советской политической элитой способы рецепции западных политико-правовых моделей могут стать темой специального историко-юридического исследования.

Литература:

1. Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. Выпуск № 3(51), 2008. С. 69 – 79.
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> дата обращения 13.02.2017.
3. Конституция Германской империи 11 августа 1919 г. // История государства и права зарубежных стран : Сборник документов и задач / отв. ред. И. П. Никитина. Екатеринбург: Изд. дом УрГЮА, 2007. Т. 2. С. 204 – 219.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ дата обращения 14.02.2017.
5. Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874. 578 с.

УДК94(985).08416.7213(985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

П.А. Сперанский

Екатеринбург

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, эволюция, модернизация, культура, атеизм, образование, наука, искусство, идеология.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется процесс культурных преобразований, осуществленных в России после революции 1917 года. Доказывается, что культурная революция была важнейшей составляющей модернизационного процесса на основе которого был осуществлен переход от аграрного общества к индустриальному. Делается вывод, что несмотря на определенные издержки, связанные с реализацией сталинской модели модернизации, были достигнуты выдающиеся успехи в области образования, науки, литературы и искусства.